

7. Кукса И. Ю. Синтаксические экспликативы авторской модальности в газетном тексте (на материале «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостей» XVIII века) // Политическая лингвистика. 2012. №1. С. 190–194.
8. Лукина М. М. Интернет-СМИ: теория и практика. М., 2010.
9. Недосека О. Н. Основы теории коммуникации. М., 2010.
10. Попов А. В. Блоги. Новая сфера влияния. М., 2008.
11. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М., 2006.
12. Смиклас М. Инфографика. Коммуникация и влияние при помощи изображения. СПб., 2014.
13. Тапскотт Д. Викиномика: как массовое сотрудничество изменяет все. М., 2007.
14. Элберс А. Стратегия блокбастера. М., 2015.

Об авторе

Александр Сергеевич Круглов – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: alexkruglov@bk.ru

About the author

Alexandr Kruglov, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: alexkruglov@bk.ru

УДК 81-112

О. В. Петешова

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОРОНИМИКИ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Характеризуется специфика переименований различных форм рельефа, проведенных после вхождения бывшей Восточной Пруссии в состав СССР. Особое внимание уделяется описанию погрешностей при осуществлении этого процесса. Сравниваются исходные и новые оронимы и выявляются способы их согласования.

The article distinguishes the specificity of the renaming of different land forms. The renaming was carried out after the former East Prussia had become part of the Soviet Union. The article has a special focus on describing minor errors, comparison of the original oronyms with the new ones, and eliciting the ways of coordination between them.

Ключевые слова: переименование, топоним, ороним, Восточная Пруссия, топонимическое согласование.

Key words: renaming, toponym, oronym, East Prussia, coordination of toponyms.

В ходе кампании по реноминации географических объектов, проведенной на территории той части бывшей Восточной Пруссии, которая по решению Потсдамской конференции 1945 г. вошла в состав СССР, на карте региона были изменены не только макротопонимы, но

и микротопонимы, то есть названия мелких городских и природных объектов, в числе которых оказались и наименования различных форм рельефа — так называемые оронимы. Согласно Решению Областного исполкома депутатов трудящихся №560 от 31 декабря 1947 г. [2] была осуществлена 271 реноминация подобного рода. Соответственно, принятый нами историко-лингвистический анализ оронимики современной Калининградской области предполагает сопоставительное рассмотрение 271 пары «исходный немецкий — новый русскоязычный ороним».

Отметим сразу, что единственный имеющийся в нашем распоряжении архивный источник информации о переименованиях не позволяет делать однозначные выводы о процессе и результате исследуемой реноминации, даже с опорой на не менее несовершенные картографические данные, поскольку в нем нами были обнаружены немалочисленные **погрешности**.

Во-первых, при переименовании многие горы и мысы, обозначенные на исходной карте Восточной Пруссии, полностью и без объяснений исчезли с карты региона. На одной только Балтийской косе нами зафиксированы четыре таких оронима: *Langhaken*, *Kahlberg*, *Ritthers Haken* и *Kielmanns Haken*.

Во-вторых, несколько немецких географических названий, не упомянутых в Решении Облисполкома, переданы на карте Калининградской области в русской транскрипции. На морском побережье это, в частности, номинации мысов *Риндерорт* и *Штрале Екке* (в оригинале, конечно же, *Strahlsecke*).

Текст самого архивного документа буквально изобилует опечатками и орфографическими ошибками. Некоторые из них, вопреки постоянному написанию исходных оронимов кириллицей, не мешают установлению их изначальной формы. Например, нередко в названиях гор появляются лишние дефисы (*Лем-берг-хакен*), какие-то буквы меняются местами (*Герихстберг* вместо *Герихтсберг*), какие-то — заменяются другими без ущерба для понимания (*Гельгенберг* вместо *Гальгенберг*).

Однако отдельные ошибки препятствуют расшифровке немецких оронимов. В тех случаях, когда соответствующие лексические единицы отмечены на прусских и калининградских картах, их написание удалось восстановить путем сравнительного анализа (*Енас-хое* = *Ephas Höhe*, *Анионнен-хее* = *Antonien-Höhe*). Если же правильное написание исходных оронимов латиницей в связи с их необъяснимым отсутствием на немецких картах не поддавалось расшифровке, нам приходилось относить их к семантической группе «номинации с неясными основами». Подобных оронимов типа *Мейцун-берг* или *Лагенер хакен* насчитывается 12 (это 4,4 % материала проведенного исследования).

Следующая погрешность, допущенная инициаторами кампании по переименованию региональных форм рельефа, заключается в нередком объединении гор, изначально обладавших двумя разными названиями, под одним новым. На Балтийской косе примером может послужить объединение *Popallenhaken* + *Schmidts-Haken* → мыс *Камышовый*.

Кроме того, по неизвестной причине ряда зафиксированных в Решении Облисполкома новых оронимов (гора *Поварская*, гора *Пчелиная*, гора *Разбойничья*, гора *Солёная*, гора *Табачная*, гора *Щебенчатая* и др.) просто нет на крупнейшей карте современной Калининградской области.

Наконец, в результате кампании по переименованию были введены в обиход новых жителей области многочисленные дублетные номинации, используемые для обозначения различных природных объектов. Составителей документа не смутил тот факт, что в Калининградской области с их подачи появились две горы *Круглых*, три горы *Лысых* и даже шесть гор *Плоских* (справедливости ради подчеркнем, что на карте Восточной Пруссии также в изобилии присутствовали дублетные оронимы, особенно часто — *Schlossberg*, *Lindenberg* и *Mühlenberg*).

Перечисленные погрешности ни в одном из представленных в Государственном архиве Калининградской области документов никак не комментируются. Более того, сведения об условиях реализации кампании 1947 г. по переименованию местных природных объектов в архивных делах отсутствуют.

Что касается непосредственно анализа оронимических реноминаций, то он базировался на сопоставлении исходных и новых оронимов и был нацелен на поиск общностей между ними, коих нами выявлено немало. Так, после переименования практически неизменным осталось число **семантических групп** оронимов, при выделении которых учитывались семантические признаки, положенные в основу соответствующих наименований (22 → 23).

По своему качественному наполнению эти семантические группы также почти полностью совпадают. И среди исходных, и среди новых названий форм рельефа имеются лексические единицы, именующие:

- месторасположение гор (гора *Дорожная*, *Grenzhaben* (буквально «приграничный мыс») и т. п.);
- особенности составляющих их веществ (гора *Песчаная*, *Lehmberg* («глиняная гора») и т. п.);
- расположенные на них строительные объекты (гора *Мельничная*, *Hausberg* («гора с домом на ней») и т. п.);
- ассоциирующиеся с ними мистические характеристики (*Чертва гора*, *Geisterberg* («гора духов»)) и пр.

Расхождения в семантике касаются только трех семантических групп: после переименования добавляются номинации-указания на значимость объекта (мыс *Главный*) и некоторый промежуток времени (гора *Августовская*), зато исчезают оронимы, увековечивающие конкретные исторические лица (гора *Willmann-Berg*, которая была названа предположительно в честь художника эпохи барокко, уроженца Кёнигсберга).

Кстати, несмотря на все обвинения в адрес советского руководства, якобы поощряющего тотальную советизацию вновь образованной Калининградской области, в том числе в топонимической сфере, количество **антропотопонимов** (то есть названий форм рельефа в честь тех или иных людей) в рамках материала нашего исследования не только не увеличилось существенно, но и, наоборот, сократилось с 36 до 12. Причем на современных картах запечатлены исключительно наимено-

вания профессий (гора *Казачья*) и имена неопределенных личностей (гора *Катеринина*), в то время как в Восточной Пруссии, помимо этих семантических групп (*Husarenberg* (буквально «гора гусаров»), *Karlberg* (буквально «гора Карла»)), фигурировали также обозначения национальностей (*Franzosenberg*, то есть «гора французов») и уже упомянутые нами мемориальные номинации типа *Willmann-Berg*.

При углублении сравнительного анализа в направлении **сопоставления восьми первых** по частотности элементов семантических групп оронимов до и после переименования между ними обнаруживаются определенные содержательные расхождения. Качественные пересечения затрагивают лишь четыре семантические группы. Внутри первых двух после 1947 г. количество оронимов возрастает:

— для обозначений формы гор — с 23 до 51 (в современной области эта семантическая группа является самой обширной): гора *Косая*, мыс *Дуга*, *Runder Berg* («круглая гора»), *Augstos-Berg* (от балтийского корня со значением «согнутый») и пр.;

— для обозначений функции именуемого природного объекта — с 14 до 26: гора *Вахтенная*, гора *Дозор*, *Butzkenberg* (от прусского корня со значением «охранять»), *Walgunberg* (от балтийского корня со значением «место посадки на корабль») и пр.

Внутри двух других семантических групп после 1947 г. наблюдается уменьшение количества элементов:

— для номинаций на основе фауны местности — с 24 до 13: гора *Волчья*, гора *Воронья*, *Dachshügel* («холм барсука»), *Schweinhügel* («холм свиный») и пр.;

— для номинаций на основе флоры местности — с 42 (самая объемная группа в исходной оронимике) до 31 (в новой оронимике эта группа занимает второе место по числу составляющих лексем): гора *Липовая*, гора *Сосновая*, *Birkenberg* («березовая гора»), *Lindenhügel* («липовый холм») и пр.

Бросается в глаза и то обстоятельство, что семантическая группа оронимов, находящаяся на втором месте среди исходных названий форм рельефа (в нашем исследовании она получила наименование **«оронимы, соотносящиеся с какими-либо населенными пунктами»**), хотя и присутствует в массиве калининградских номинаций гор, холмов и мысов, но располагается в нем на одном из последних мест. Приведем примеры подобных оронимов: мыс *Гданьский*, мыс *Гвардейский*, *Rudauscher Berg*, *Dollkeimer Berg*.

Последняя из интересных особенностей, касающихся сходств и различий между исходными и новыми оронимами, относится к **оценочным названиям** форм рельефа. Дело в том, что таковые имеют место и до, и после переименований, причем в своей семантике они несут как положительную (гора *Радость*, *Komplimentenberg*), так и отрицательную (холм *Дурной*, *Streit-Werder* («островок споров»)) оценку.

Перейдем к еще одному направлению нашего историко-лингвистического анализа — определению **типа согласований** между немецкими и русскими оронимическими единицами. В процессе исследования были выявлены не только отдельные примеры формальной или семанти-

ческой связи двух оронимов, задействованных в реноминации, но и иногда довольно крупные группы географических названий, согласованных следующими способами.

1. **Перевод** (59 случаев, или 21,7 % нашей выборки). Он может быть как (реже) полным (*Nordmole* → *Северный мол*, *Danziger Haken* → *Гданьский мыс*), так и (гораздо чаще) частичным. Традиционно опускается второй компонент сложного слова со значением «гора», например, *Schwedenberg* → → *Шведская*, *Sandberg* → *Песчаная*, но возможны и другие ситуации опущения компонентов при переводе (*Groß Katzenberg* → *Кошка* — здесь средствами переводящего языка передается лишь один из трех компонентов составного немецкого оронима — второй, компоненты «большой» и «гора» опускаются).

48

Отдельным подтипом перевода, согласующего исходные и новые оронимы, является псевдоперевод (всего 3 случая), обусловленный неверной трактовкой балтийских корней в словах как немецкоязычных на основании сходства в их звучании: *Kuhlenberg* (от балтицизма «мешок», но напоминает немецкое *kühl* — «прохладный») → гора *Холодная*.

2. **Ассоциативное название** (22 случая, или 8 %). При таком способе согласования отдается предпочтение не словарному эквиваленту переведенного на русский язык оронима, а некоторой другой лексеме, так или иначе семантически связанной с этим эквивалентом:

— *Mühlenberg* (дословно «мельничная гора») → гора *Хлебная* (важный этап в приготовлении хлеба сопряжен с работой на мельнице);

— *Schwarzer Berg* → гора *Тёмная* (качества, обозначенные прилагательными «черный» и «темный», естественно, весьма близки друг другу).

3. **Тематическая соотнесенность** (12 случаев), предусматривающая введение нового оронима, относящегося к той же семантической группе, что и исходный:

— *Finkenberg* («гора вьюрков», то есть семантическая группа «фауна») → гора *Синичка* (также семантическая группа «фауна»);

— *Fichtenberg* («сосновая гора», семантическая группа «флора») → → гора *Дубовая* (аналогично «флора»).

4. **Аллюзия** (9 случаев). Сущность данного способа согласования заключается в выборе в качестве нового оронима номинации, фонетически сходной с изначальным оронимом, но не имеющей с ним ничего общего в плане семантики: *Lüttenberg* («гора для спуска») → гора *Малютка*.

5. **Одинаковая (метонимическая) соотнесенность** (2 случая), при которой и исходный, и новый ороним происходят от имени расположенного поблизости водоема, также подвергшегося переименованию: *Tilszele-Berg* → гора *Тыльжа* (недалеко от горы протекает река *Тыльжа*, в досоветский период именуемая *Tilszele*).

Однако само собой разумеется, что далеко не все новые оронимы согласуются с исходными. Большинство из них (166 случаев, или 61 % всей выборки) были отобраны инициаторами кампании по переименованию совершенно **произвольно**:

— *Stadt-Berg* («городская гора») → гора *Больничная*;

— *Heiliger Berg* («священная гора») → гора *Кружок*;

— *Kalkberg* («гора из известии») → гора *Прудная*.

Названный выше показатель для оронимов значительно ниже, чем аналогичный показатель, рассчитанный применительно к представительной выборке названий населенных пунктов и обобщенной совокупности названий разнообразных природных объектов, для которых он составил 85 и 55 % соответственно [1].

Выяснилось, что, как и в сфере других типов региональных реноминаций, при таком независимом переименовании форм рельефа семантика оронимов не играет практически никакой роли, зато очевидное влияние оказывает **языковая принадлежность** исходных номинаций. Нами подсчитано, что из 63 единиц ненемецкого, то есть литовского или прусского, происхождения (всего 23 % нашей выборки, что коренным образом отличается от ситуации с изученными ойконимами и обозначениями прочих природных объектов, подавляющее большинство которых все же имеет балтийские корни) в результате реноминации были согласованы лишь 8, из них 1 — через псевдоперевод, суть которого проиллюстрирована выше, и 7 — способом аллюзии, например, *Kruschke-Berg*, где первый компонент сложного слова переводится с прусского диалекта как «дикая груша» → гора *Кружка*.

Оставшиеся балтийские оронимы в силу непрозрачности их семантики для лиц, осуществлявших переименования и не являвшихся профессионалами в области лингвистики, были заменены без учета их формы и содержания.

Подводя итог нашему обзору особенностей реноминации восточно-прусской оронимики, представляется целесообразным констатировать: общая русификация Калининградского региона была настолько важна для его нового советского руководства, что в ходе переименований, последовавших за включением его территорий в состав РСФСР, даже такой, казалось бы, малочисленной и относительно незначительной группе топонимов, как оронимы, пусть и с описанными нами более или менее мелкими недочетами, было уделено серьезное внимание.

Список литературы

1. Петешова О. В. Способы согласования топонимов при переименовании (на материале топонимической системы Калининградской области) // Вестник гуманитарного научного образования. 2012. № 6. С. 23–25.
2. Решение Облисполкома № 560 от 31.12.1947 г. // ГАКО. Ф. Р-297. Оп. 1. Д. 23.

Об авторе

Ольга Викторовна Петешова — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: peteshova_olga@rambler.ru

About the author

Olga Peteshova, PhD, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: peteshova_olga@rambler.ru